

Илл. 44. Шатровый зал. Фотография 1941 г.

Борис Пиотровский Эрмитаж в блокадные дни

Это отрывки из «Истории Эрмитажа», написанной Борисом Борисовичем Пиотровским к 225-летию Государственного Эрмитажа, с которым он был связан большую часть жизни и который он возглавлял свои последние двадцать шесть лет.

На рассвете 22 июня 1941 года фашистские войска вступили на советскую территорию, и война началась. Эвакуация Эрмитажа была объявлена двумя днями позже. Для упаковки музейных ценностей на помощь сотрудникам Эрмитажа пришли художники, артисты, ученые, студенты, не призванные в армию, а для такелажных работ – прикрепленные к Эрмитажу военные подразделения. Упаковка производилась круглые сутки, и зрительный зал Эрмитажного театра служил местом отдыха и сна. Для руководства эвакуацией из Москвы прибыли председатель Комитета по делам искусств при Совнарком СССР М.Б. Храпченко и представитель Комиссариата внутренних дел, имевший право оперативных решений...

После эвакуации в Ленинграде осталась большая группа сотрудников Эрмитажа для завершения работ по консервации зданий и сохранения большого количества экспонатов, которые остались в Ленинграде и требовали надежного укрытия. Кроме того, на хранение в Эрмитаж стали поступать предметы из пригородных дворцов-музеев, а также художественные коллекции частных лиц...

8 сентября 1941 года немецкие самолеты, прорвавшись к городу, первый раз бомбили Ленинград, позже воздушные вражеские налеты стали для ленинградцев обычными, они начинались с наступлением темноты и вошли в расписание дня ленинградцев...

Враг был уже вблизи города, и почти одновременно с воздушными налетами начался обстрел Ленинграда из дальнобойных орудий, что нанесло значительные повреждения городу и увеличило человеческие жертвы. Один из первых снарядов, направленных на Ленинград, разорвался на мосту через Зимнюю канавку на улице Халтурина (Миллионной), и сегодня на каменном цоколе здания Нового Эрмитажа можно видеть следы разорвавшегося снаряда.

Для защиты от вражеских воздушных налетов и обстрелов в Эрмитаже были сформированы подразделения гражданской обороны и в надежных подвалах зданий музея было оборудовано 12 бомбоубежищ, в которых до начала 1942 года постоянно жило около 2 тысяч человек. Все этой большой и сложной работой руководил директор Эрмитажа И.А. Орбели...

Обстановка бомбоубежищ производила странное впечатление: около наскоро сколоченных коек и столов стояла золоченая музейная мебель, а после прекращения подачи электричества на столах появились коптилки и свечи разного калибра, и среди них массивные позолоченные венчальные свечи, сохраненные старыми работниками музея...

В блокадные дни пустые, насквозь промерзшие залы музея производили сильное впечатление. В них гулко звучали шаги, фанера в окнах создавала и днем полумрак, а в роскошных позолоченных рамах зияла чернеющая пустота, особенно в рамах от крупных картин, где стены зала оставались недокрашенными. В один из таких залов пришли солдаты для уборки битого стекла. Их сопровождал научный сотрудник П.Ф. Губчевский, выполнявший тогда обязанности начальника охраны, один из лучших экскурсоводов Эрмитажа в довоенное время, и он провел экскурсию по пустым рамам, рассказывая о тех картинах, которые были из них вынуты. Этот эпизод напоминает новеллу Ст. Цвейга «Незримая коллекция», в которой рассказывается о том, как слепой коллекционер показывал гостям альбом и рассказывал о гравюрах, не подозревая о том, что ценные гравюры были родственниками проданы и в альбом были вклеены пустые бумажки. Экскурсия по пустым рамам нашла отражение в нашей литературе.

В архиве Эрмитажа хранятся рисунки художников В. Милютиной и В. Кучумова, запечатлевшие вид залов в дни блокады и причиненные им разрушения. Надо иметь в виду, что документальных фотографий этой поры мало, так как фотоснимки в условиях военного времени могли делать только фотокорреспонденты, а они заходили в Эрмитаж редко.

Зима 1941/42 года была особенно суровой, что ограничивало действия вражеской авиации, но значительно ухудшало жизнь ленинградцев, погибавших от холода и голода. Ведь с 20 ноября 1941 года дневная норма хлеба на человека

Илл. 45. Портик с атлантами. Фотография военных лет

снизилась до 200 и 125 гр., а на обогрев жилья в печках шли мебель и книги. Разумеется, в Эрмитаже дело обстояло иначе, довоенные запасы дерева в мастерских музея и экспозиционные щиты временных выставок обеспечивали обогрев небольшого количества отапливаемых помещений, но в значительном большинстве залов и помещений Эрмитажа царил холод...

С февраля 1942 года, когда стала активно функционировать «Дорога жизни» по льду Ладожского озера, наступило в жизни города некоторое улучшение, но до дня прорыва блокады, до 18 января 1943 года, было еще далеко.

В марте 1942 года Эрмитаж посетил А.Н. Косыгин, ознакомившийся с положением музея, после чего было принято решение о сокращении в Ленинграде обслуживающего персонала. 30 марта директор Эрмитажа И.А. Орбели выехал в Ереван, в Ленинграде осталось 36 научных сотрудников во главе с М.В. Доброклонским и кроме них по хозяйственной части 38 рабочих и 42 человека охраны...

Когда фронт отошел от Ленинграда, Совет Народных Комиссаров СССР 24 августа 1944 года вынес решение о восстановительных работах в Эрмитаже и отпуске необходимых для этого материалов.

Еще до окончания войны можно было подвести и печальные итоги. Из числа научных сотрудников Эрмитажа на фронтах погибло 6 человек, а в блокированном Ленинграде умерло 43 сотрудника. Потери среди рабочего и административного персонала были значительно большими. В здания музея попали две авиационные бомбы и 17 артиллерийских снарядов, причинившие большие разрушения.

При эвакуации затерялась одна картина, по размерам она не вошла в подготовленный ящик, была заменена другой, что отмечено в описи, но куда ее дели упаковщики, скончавшиеся в дни блокады, неизвестно. Снарядом, попавшим в каретный сарай, было разбито семь парадных карет и два паланкина XVIII века. Выбитой взрывной волной фрамугой была отбита голова у скульптуры Росsetти «Эсмерельда», разбились обрушившиеся с потолка массивные бронзовые люстры...

Восстановительные работы были начаты с Павильонного зала и галерей по сторонам Висячего сада, именно там к ноябрьским праздникам 1944 года было решено устроить выставку памятников искусства и культуры, оставшихся в Ленинграде во время блокады. Из Еревана вернулся директор Эрмитажа И.А. Орбели. Для организации этой выставки надо было произвести большие работы: убрать около 30 кубометров песка, натереть около 1500 квадратных метров паркетного пола, вымыть и восстановить выбитые стекла в 45 окнах, привести в порядок 14 люстр.

Илл. 46. Хранилище карет: следы разрушений от 70-миллиметрового снаряда. Фотография 1942 г.

В ноябре 1944 года эта выставка была открыта и вызвала большую радость у ее устроителей и посетителей. В Павильонном зале стояла скульптура Кановы «Амур и Психея», в Кабинете Кваренги – бронзовый бюст римского императора Марка Аврелия работы французского скульптора Э. Гастклу (1795 г.), доставленный в музей партизанами, пустившими под откос поезд, увозивший в Германию металл. Много ценных экспонатов было вынато из ящиков неотправленного третьего эшелона.

Так, в разделе памятников русской культуры посетители могли видеть Манифест Петра I об измене гетмана Мазепы (1708 г.) с собственноручной подписью царя. С 8 ноября 1944 года по 31 июля 1945 года выставку посетило 29 243 человека.

9 мая 1945 года, когда весь советский народ торжественно праздновал День Победы, в Эрмитаже шла работа по восстановлению залов для большой выставки с реэвакуированными сокровищами музея. Работали не покладая рук как в Ленинграде, так и в Свердловске.

3 октября 1945 года там начали грузить ящики в вагоны двух эшелонов. 10 октября они прибыли в Ленинград, 13-го их разгрузка была закончена, и 14-го началась развеска картин.

Трудно себе представить темпы и напряженность работы по организации выставки в 69 залах за 20 дней. Памятником этих усилий служит огромный билет, приглашавший 4 ноября 1945 года на открытие залов, восстановленных после реэвакуации. Вход был через портик с атлантами Нового Эрмитажа, а на следующий день гости были приглашены на торжественное заседание в Эрмитажный театр, где состоялся доклад И.А. Орбели. 8 ноября 1945 года восстановленные залы были открыты для публики.

Закончился тяжелейший этап из истории Эрмитажа, о котором можно кратко рапортовать: «сотрудники Эрмитажа были на своих местах».

Илл. 47. Разрушения в Зимнем дворце от прямого попадания снарядов. Фотография военных лет

